

5. Носков А.Н. Первый университетский праздник // Люди и события культурной жизни старой Самары. Самара, 2002. С. 228-236.

6. Самарские губернские ведомости. 1859. № 15. 11 апреля. Часть неофициальная. С. 112-119.

7. Смирнов Ю.Н. Переход с охранительных на реформистские принципы устройства Самарской губернии в первое десятилетие ее существования: губернаторы С.Г. Волховский и К.К. Грот (1850-е гг.) // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Международной научно-практической конференции. Самара, 2015. Ч. 1. С. 246-253.

8. Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 75-92.

9. Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.): учеб. пособ. / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013. 384 с.

М.В. Алпатов

Пензенский государственный университет

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ПЕНЗА В 1917 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Крушение имперской государственности предопределило радикальные изменения привычных форм и практик жизнеустройства рядовых участников революционной эпохи. В этих обстоятельствах меняются базовые характеристики повседневности, естественный фон уступает место экстремальному. Определяя экстремальность в контексте «феномена края» [3], необходимо учесть предельное состояние психологического напряжения, спровоцированное скачкообразными, а, на некоторых этапах, и галопирующими изменениями, угрожавшими не просто нормальности жизненного мира, но физическому существованию личности.

Основными источниками по изучению экстремальной повседневности, позволяющими реконструировать обыденную реальность в трехмерном измерении: власть – социум – человек, выступают: делопроизводственная документация местных властей, материалы периодической печати и источники личного происхождения. Хронотоп ключевых событий, формирующих основные грани рутинных каждодневных практик, буквально по дням воспроизведен в региональных печатных изданиях – Пензенских губернских ведомостях, Вестнике Пензенского губернского Исполнительного комитета и комиссариата, Известиях рабочих, крестьянских и военных депутатов. Появление новых периодических СМИ само по себе отражало трансформацию политической и гражданской идентичностей населения губернского города, медленно, но неуклонно погружавшегося в хаос анархии.

Предчувствие перемен крылось в нарушении транспортного сообщения, блокировке жизненного пространства, в нарастающей автаркии. Так, по сообщениям СМИ, с 1 февраля из-за неблагоприятных погодных условий на юге и юго-востоке страны практически остановилось движение пассажирских и товарных поездов на Московско-Курской, Рязано-Уральской и др. железных дорогах. Расчистка заносов и нормализация сообщения растянулась до начала марта [4, № 26, 35].

«Краем» обывательского спокойствия к весне 1917 г. становятся базары, а точнее места торговли хлебом. К марту в Пензу и крупные торговые села полностью прекратился подвоз важнейшего в структуре жизнеобеспечения товара – ржи и ржаной муки. Пензенский губернатор А.А. Евреинов в своем обращении призвал держателей хлеба срочно продать излишки, пригрозив реквизициями и понижением твердой цены [4, № 46].

Временной отсчет начала революции в Пензе приходится на вечер 1 марта 1917 г. Отметим при этом, что первая оценочная реакция СМИ последовала лишь 4 марта. «Весть о государственном перевороте дошла до г. Пензы вечером 1 марта при чем местные граждане узнали о нем из телеграмм Председателя Государственной Думы. Телеграммы эти, между прочим, раздавались в городском общественном театре, где давали первое представление «Касатки» гр. Толстого и по мере появления, расхватывались публикой и жадно читались ею» [4, № 49]. «Революция по телеграфу» вызвала резкую активизацию уличной массовой активности и роста социальной агрессии: 5 (6) марта толпа солдат забила до смерти начальника Пензенского гарнизона генерала-майора М.А. Бема [5, с. 4]. Организация власти виделась через формирование широкого представительства: «временный исполнительный комитет в составе 5 членов от города, 5 членов от Губернского земства и по 1 члену от каждой из существующих организаций просветительских и рабочих» [4, № 50]. И, тем не менее, можно отметить, что шоковая ситуация и состояние вакуума политического пространства в российской провинции сохранялись до 10 марта. Первым решением новых революционных властей и завершением начальной стадии революции стало объявление 10 марта «праздником завоевания Русским народом свободы и днем памяти павших борцов русской революции» [4, № 54].

Три весенних месяца городское пространство формировалось экстремальными практиками стихийного массообразования, объединявшими в себе социальную агрессию и масленичные гуляния. Пенза оказалась во власти толпы. Так, митингующую стихию, широко разлившуюся от исторического центра города – Соборной площади вниз до привокзальной Ярмарочной площади 1 мая 1917 г. отличал «образцовый порядок, «отпечаток торжества социализма» [2, № 2]. А 22 мая произошла кровавая расправа над капитаном Жигаревым, позволившем себе сделать замечание праздно шатавшимся солдатам [5, с. 5].

Еще одним признаком экстремальной повседневности становится полное пренебрежение к санитарным нормам, к привычной обустроенности

жизни: требования («просьбы») городских властей привести дворы и тротуары в порядок нарочито грубо игнорировались [1, № 48].

Отголоском Корниловского мятежа и новым форматом организации пространства и времени в российской глубинке стало введение военного положения в Пензенской губернии («в связи с восстанием генерала Каледина на Дону»). В городах запрещались всякие собрания и митинги на улицах и площадях, время работы увеселительных заведений ограничивалось 11 часами вечера [1, № 89]. Как известно, решение было запоздалым, и ограничить рост погромных настроений ни в Пензе, ни в уездах не удалось. По сообщениям Вестника Пензенского Губернского Исполнительного Комитета и комиссариата от 28 октября 1917 г. «Погромное движение охватило уезды губернии. Так, в Наровчатском уезде нетронутыми остались лишь 10 имений, все остальные разгромлены в большей или меньшей степени. Есть убитые и раненые» [1, № 110]. Этот же день можно считать завершением «революции по телеграфу» в Пензе: в этом же номере Вестника была опубликована телеграмма Временного правительства от 26 октября о штурме Зимнего дворца, заканчивавшаяся словами: «Первое нападение на зимний дворец в 10 часов вечера отбито» [1, № 110]. Наступило время самоорганизации экстремального хронотопа в новом политическом оформлении.

Библиографический список

1. Вестник Пензенского губернского Исполнительного комитета. 1917.
2. Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. 1917.
3. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 1. С. 28-38.
4. Пензенские губернские ведомости. 1917.
5. Сухова О.А. Право на насилие: российское крестьянство в революции 1917 г. (по материалам Пензенской губернии) // Центр и периферия (Саранск). 2016. № 2. С. 4-10.

Е.О. Попович

Казанский (Приволжский) федеральный университет

«НЕВЫЯВИВШЕЕСЯ ПОКОЛЕНИЕ»: ОПЫТ ВОСПИТАНИЯ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА В ДЕТСКИХ ДОМАХ ТАССР В 1920–1924 ГГ.

Одной из сложнейших задач, решение которых, по сути дела, знаменовало бы собой завершение строительства коммунизма, признавалось воспитание нового человека. Ее трудность опосредовалась тотальным характером семейного воспитания, мешавшего людям будущего позитивно воспринимать большевистские проекты. Поэтому задача вырвать ребенка из буржуазной семьи, разглагольствования о которой внушали коммунистам